

Устрялов Федор Николаевич

Слово и дело

Комедия в 5 действиях

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Ф33

Ф33 **Федор Николаевич У.**
Слово и дело: Комедия в 5 действиях / Устрялов Федор Николаевич – М.:
Книга по Требованию, 2024. – 149 с.

ISBN 978-5-519-78453-5

ISBN 978-5-519-78453-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

СЛОВО И ДѢЛО.

КОМЕДІЯ ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ,

Ф. Н. Встрялова.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Кабинетъ Лавинскаго. Направо письменный столъ, заваленный книгами, и большое кресло. Направо кушетка. На окнахъ штофныя занавѣски. Направо дверь. Утро.

ЯВЛЕНІЕ I.

ЛАВИНСКІЙ (*выходитъ изъ боковой двери, въ вицъ-мундирѣ, съ портфелемъ подъ мышкою, шляпою на головѣ, и надѣваетъ перчатки. Смотря на стѣнные часы*). Половина перваго. Опять проспалъ!.. Развѣ остаться дома? Нѣтъ, пеловко. И то поздно прихожу въ департаментъ; опять начальникъ отдѣленія замѣ-

титъ... Ну, хорошо;—положимъ, пойду. А потомъ что? Послѣ службы, падо взять билетъ на балъ въ дворянское собраніе, — тамъ будетъ Наденька. Во вторыхъ, зайдти къ Лушппу; въ третьихъ... (*слышенъ звонокъ*) Кто бы это былъ?... Въ третьихъ, зайдти къ Мартовымъ и спросить, въ которомъ часу онѣ поѣдутъ... Только скверно, что придется во время обѣда; развѣ... (*снова звонокъ*) Оома! Чортъ знаетъ, гдѣ онъ сидитъ! Оома!..

ЯВЛЕНІЕ II.

ЛАВИНСКІЙ, ООМА (*въ передникъ, за-
спанный и съ кирпичемъ въ рукъ*).

ЛАВИНСКІЙ.

Гдѣ ты шляешься? Два раза звонили. . .

ООМА.

Я, сударь, самоваръ чистилъ, не слыхалъ. .
Надо будетъ изъ передней колокольчикъ провести
въ кухню,—совсѣмъ не слыхать. . .

ЛАВИНСКІЙ.

Хорошо, хорошо. Ты сперва отвори дверь, а по-
томъ говори.

ООМА.

Сейчасъ, сударь.—Что прикажете сказать?

ЛАВИНСКИЙ.

Скажи, что дома нѣтъ. Нечего толковать, когда на службу пора. . . *(звонокъ)* Иди же! *(Ома уходитъ)*
Хотѣлось бы дома остаться. . . До сихъ поръ не кончилъ повѣсти. . . А теперь заняться хорошо бы.

ОМА *(возвращается)*.

Я говорилъ, что дома нѣтъ, да они говорятъ, что подождутъ въ кабинетѣ.

ЛАВИНСКИЙ.

Ты спрашивалъ фамилію?

ОМА.

Спрашивалъ.

ЛАВИНСКИЙ.

Ну?

ОМА.

Господинъ Хватаевъ.

ЛАВИНСКИЙ.

И не слыхалъ про такого! . . Скажи. . . Да ты, вѣрно, перевралъ?

ОМА.

Никакъ нѣтъ-съ.

ЛАВИНСКИЙ.

Виджу, что перевралъ. Спроси еще разъ хорошенько. . .

ОМА.

Да помилуйте. . .

ЯВЛЕНІЕ III.

ЛАВИНСКІЙ, ОМА, ВЕРТЯЕВЪ (*съ бородой, въ толстыхъ замшевыхъ перчаткахъ, волосы зачесаны назадъ. На немъ старомодный сюртукъ, узкіе панталоны, большіе сапоги. Говоритъ и смѣется громко*).

ВЕРТЯЕВЪ.

Такъ и зналъ, что дома! . . и, думаю, только что всталъ. . . Сибаритъ, сибаритъ! . . (*подходитъ къ нему, жметъ крѣпко руку и смотритъ въ глаза*).

ЛАВИНСКІЙ.

Вертяевъ! здравствуй, дружище! . . Какъ я радъ! какъ давно не видались! Цѣлыхъ два года. . .

ВЕРТЯЕВЪ.

Давно, Петя, давно! А я къ тебѣ на цѣлый день...

ЛАВИНСКІЙ.

Я очень радъ. . . Мы съ тобою вмѣстѣ пообѣдаемъ, а часовъ въ семь я отправлюсь. . . извини, мнѣ необходимо. . .

ВЕРТЯЕВЪ.

И отлично! А я, братъ, съ шести часовъ на ногахъ.

ЛАВИНСКИЙ *(θомъ)*.

Ты, господинъ Хватаевъ, припеси—ка завтракъ. Я сейчасъ вернусь,—надѣну только сюртукъ. *(Уходитъ)*.

ЯВЛЕНІЕ IV.

ВЕРТЯЕВЪ, θОМА.

ВЕРТЯЕВЪ.

Какъ же ты, братецъ, не хотѣлъ меня впустить, а? вѣдь мы съ твоимъ бариномъ старые товарищи, вмѣстѣ въ университетѣ были.

θОМА *(стыдливо)*.

Я не зналъ, сударь, что вы арситетскіе. . . А то я бы съ удовольствіемъ. . . Какъ можно съ! . .

ЯВЛЕНІЕ V.

ТѢЖЕ, **ЛАВИНСКИЙ** *(въ сюртукъ)*.

ЛАВИНСКИЙ *(θомъ)*.

Что жъ завтракъ? *(θома уходитъ)*. Ну, садись, дружище, бери папиросу,—ты вѣдь сигаръ не куришь,—и рассказывай, что ты дѣлалъ, гдѣ былъ, куда тебя занесло?

ВЕРТЯЕВЪ.

Я, братецъ, жилъ все время въ Тамбовской губерніи, на мыловаренномъ заводѣ, управляющій я

былъ хоть куда, жалованье получалъ отличное, дѣло шло какъ по маслу. . . только, подѣ конецъ, надоѣло жестоко. Надо идти дальше. Деньжонокъ отъ жалованья я накопилъ довольно, и теперь только и думаю, какъ бы удрать за границу, годика на два. Ты знаешь, что химія была моя страсть и въ университетѣ: заведу себѣ маленькую лабораторію и засяду въ ней, какъ кротъ въ норкѣ. Впрочемъ я все тотъ же, что и прежде,—тотъ же Вертяевъ, съ которымъ, помнишь, ты не разъ спорилъ до хрипоты. Нѣтъ, ты мнѣ скажи про себя: ты, я вижу, поздоровѣлъ, потомстѣлъ и, вѣроятно, облѣнился. Что ты дѣлаешь?

ЛАВИНСКІЙ.

Во первыхъ, служу.

ВЕРТЯЕВЪ.

Я и позабылъ, что на тебѣ былъ вице-мундиръ. Служишь?—для чего?

ЛАВИНСКІЙ.

Какъ для чего? чтобъ приносить, по возможности, пользу.

ВЕРТЯЕВЪ.

Видно, университетское еще не отстало! Я увѣренъ, что ты службой тяготишься, честолюбія у

тебя нѣтъ, въ депьгахъ не пуждаешься. Слѣдовательно, ты служишь по принципу. Но такіе люди, какъ ты, мой милый, для службы не годятся. Въ тебѣ нѣтъ, да я думаю и не будетъ, ни закалу, ни выдержки, ни охоты. Лучше займись другимъ, чѣмъ попусту тратить время. Это будетъ полезнѣе.

ЛАВИНСКІЙ.

Чѣмъ же?

ВЕРТЯЕВЪ.

Пиши, у тебя есть способность.

ЛАВИНСКІЙ.

Я и то пишу.

ВЕРТЯЕВЪ.

Какъ же я ничего не читалъ твоего?

ЛАВИНСКІЙ *(съ запинкой)*.

Я еще не отдавалъ въ печать.

ВЕРТЯЕВЪ.

Да есть ли у тебя что отдавать?

ЛАВИНСКІЙ *(улыбаясь)*.

Правда, что немного.... т. е. написано немного. А плановъ у меня довольно. Теперь оканчиваю повѣсть.

ВЕРТЯЕВЪ.

А ты ее началъ?

ЛАВИНСКІЙ.

Н-да...

ВЕРТЯЕВЪ *(садясь на кушетку и разваливаясь).*

Такъ то вы всѣ идеалисты! А помнишь, какъ все толковалъ о долгѣ, да о святости труда? Вѣдь тебѣ ужъ двадцать семь лѣтъ, если не ошибаюсь. Чтожъ ты сдѣлалъ? все думалъ? Мы, такъ пазываемые скептики да матеріалисты, умѣемъ хоть мыло варить, — и то хорошо.

ЛАВИНСКІЙ.

Я и не думаю забывать того, что говорилъ. Только мнѣ надо подготовиться, выбрать дорогу.

ВЕРТЯЕВЪ.

Нѣтъ, братъ, слишкомъ много въ тебѣ энциклопедичности. Вотъ что! Надо быть строже къ самому себѣ: взялся за одно, не бросайся на другое.

ЛАВИНСКІЙ.

Ты судишь по себѣ... *(Тома приноситъ завтракъ)*
Милости просимъ.

ВЕРТЯЕВЪ *(подходитъ къ столу садится и пьетъ).*

Знаешь что, Петя?

ЛАВИНСКИЙ.

Что?

ВЕРТЯЕВЪ.

Я вѣдь думалъ найти тебя не одного.

ЛАВИНСКИЙ.

Какъ такъ?

ВЕРТЯЕВЪ.

Такъ... Я думалъ, что ты женатъ, и удивляюсь, какъ ты до сихъ поръ не женился! Это должно очепь идти къ тебѣ и совершенно въ твоихъ правилахъ.

ЛАВИНСКИЙ.

Можетъ быть, это и пошло бы ко мнѣ, только, какъ видишь, я еще не женатъ. Между прочимъ, что ты напалъ на эту рыбу? Попробуй котлетъ.

ВЕРТЯЕВЪ.

Все равно, что пи ѣсть. Я такая же акула, какъ и прежде. Гмъ! такъ ты не женатъ? А жаль. Хотѣлось бы посмотрѣть на тебя съ женою.

ЛАВИНСКИЙ.

Я не вижу тутъ ничего любопытнаго. Ты вѣдь говоришь такимъ сатприческимъ тономъ о женитьбѣ, любви и т. п. изъ желанія оригинальничать...

ВЕРТЯЕВЪ.

Совсѣмъ нѣтъ. Ты знаешь мой взглядъ на жизнь: я вѣрю въ то, что знаю, признаю то, что вижу, и уважаю то, что приноситъ пользу. До прочаго мнѣ нѣтъ дѣла. Всѣ эти идеалы да мечтанья, сладость и нѣга—не по моей части, во первыхъ потому, что это значитъ только тѣшить самого себя и играть кукольную комедію, а во вторыхъ, это бы и не пристало къ моей физіономіи ...

ЛАВИНСКІЙ.

Отчего же? ты совсѣмъ не такъ дурень, какъ думаешь. Надѣнь порядочный сюртукъ, остриги бороду, не носи такихъ жестокихъ сапоговъ...

ВЕРТЯЕВЪ (*смотря на сапоги*).

Я, братъ, за эти сапоги заплатилъ десять рублей и пошу цѣлый годъ... Какъ новые!.. а свои ты проносишь мѣсяца четыре, и баста!.. Но не объ этомъ рѣчь. Я говорю, что чувство блажь, которую папускаютъ на себя люди отъ бездѣлья. Я понимаю, напримѣръ, что можно заниматься женщиною и даже любить ее, но опять таки любить не въ смыслѣ любви, не такъ какъ вы понимаете, а любить, какъ свое созданіе, какъ авторъ любитъ свое произведеніе, въ которомъ осуществилъ свои за-